

УДК 342.914
DOI 10.52452/19931778_2024_1_49

СОВЕТСКИЙ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ В ГЕНЕЗИСЕ ИНСТИТУТА СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИИ

© 2024 г.

О.Ю. Волченко

Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации, Москва

olegvolchenko@mail.ru

Поступила в редакцию 01.12.2023

Рассматриваются актуальные вопросы историко-правового опыта развития и совершенствования института судебной защиты прав человека в период СССР. Автор обосновывает точку зрения, что советское государство и право развивались довольно дискретно, имелись крупные эпохальные «повороты» и кардинальные политико-правовые изменения. В государственно-правовой истории России не сложился комплексный правовой институт судебной защиты прав и законных интересов правообладателей, который можно было бы взять за основу для современной России и, на основе метода рецепции, «перенести» на другую «почву», как это наблюдалось, например, в странах романо-германской правовой традиции применительно к рецепции римского частного права. Современное значение имеют лишь отдельные модели, образцы и паттерны правового регулирования, главным образом принципы и приоритеты государственной судебной политики, некоторые из которых современниками необоснованно преданы забвению и не используются вопреки положительному историко-правовому опыту государства.

Ключевые слова: судебная защита, судоустройство, принципы правосудия, разделение властей, конституционализм, права человека.

Современное состояние института судебной защиты прав и свобод человека и гражданина в России в значительной степени является следствием длительного и многоэтапного генезиса государственно-правовой истории страны [1, с. 164; 2, с. 27; 3, с. 84]. Ход исторического развития государственно-правового механизма судебной защиты прав и законных интересов граждан и их объединений с современных позиций выглядит весьма сложным и неоднозначным, особенно потому, что в наши дни он воспринимается довольно дифференцированным образом. Одни авторы полагают, что советская система правосудия (во всяком случае, в том виде, в каком она сформировалась к началу горбачевской «перестройки») была в значительной степени совершенной, почему именно эту модель и следует брать «за основу» при современной организации отправления правосудия. Есть диаметрально противоположный подход, который отрицает советский опыт функционирования правосудия и полагает необходимым поиск современной модели, которая сочетала бы в себе положительную практику организации дореволюционного правосудия и позитивные достижения в этой сфере соответствующих зарубежных стран. Наконец, не исключены комбинации из соответствующих компонентов этих двух противоположных точек зрения, которые должны давать, по логике, более вер-

ные ориентиры современному государству и праву в их историко-правовом генезисе [4, с. 192; 5, с. 301; 6, с. 5; 7, с. 76].

Не присоединяясь полностью ни к одной из этих позиций, подчеркнем, что советское государство и право развивались довольно дискретно, имелись крупные эпохальные «повороты» и кардинальные политико-правовые изменения. Так, в период создания советского государства и права, интервенции и гражданской войны (октябрь 1917–1921 гг.) наблюдалась коренная ломка царской государственно-правовой машины, причем последняя объявлялась неприемлемой в условиях состоявшейся большевистской революции. Об этом свидетельствует, в частности, изучение норм Руководящих начал по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 года [8], многие из которых имеют конституционно-правовую природу и государственно-правовой характер.

Согласно этому документу, пролетариат «сломав буржуазный государственный аппарат», который «служил целям угнетения рабочих масс». Объявлялась вне закона вся прежняя система армии, полиции, судов и церкви. Более того, анализируемый документ подчеркивал, что «без особых правил, без кодексов вооруженный народ справлялся и справляется со своими угнетателями». В данном случае с неизбежностью прослеживаются признаки если не

официального *государственно-правового нигилизма* [9, с. 530; 10, с. 37], то, во всяком случае, *революционного романтизма* [11, с. 18], который скорее отрицает, чем поддерживает необходимость эффективной организации государственного аппарата и правосудия. Вместе с тем Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 года *учредили органы советского правосудия (народные суды и революционные трибуналы)* [12], которые были уполномочены применять уголовные наказания, в числе которых определялись, в частности, «лишение политических прав», «объявление врагом революции или народа», «лишение свободы на определенный срок или на неопределенный срок до наступления известного события», «объявление вне закона» и «расстрел».

Полагаем, что никакие экстраординарные обстоятельства не могут служить достаточным основанием, чтобы уголовные суды были уполномочены применять такие санкции, как «лишение политических прав» [13, с. 88] (гражданин может быть временно ограничен в конкретных политических правах вследствие установления акта судебного правоприменения), «объявление врагом революции или народа» (санкция имеет существенные признаки правовой неопределенности) [14, с. 48], «лишение свободы на неопределенный срок до наступления известного события» (уголовное наказание в виде лишения свободы должно быть нормировано сроками, указанными в законе), «объявление вне закона» (полное отрицание правосубъектности, что нарушает саму сущность справедливо организованных государства и права). Вместе с тем применение смертной казни в чрезвычайных условиях и при экстраординарных обстоятельствах (революция, гражданская война) может иметь под собой разумные и объективные основания как временная мера, подлежащая упразднению, приостановлению или мораторию по мере нормализации фактических отношений в обществе [15, с. 239; 16, с. 24].

Далее с точки зрения выявления историко-правовых закономерностей развития института судебной защиты прав граждан представляется заслуживающим внимания период нэпа [17, с. 95], с 1921 по 1929 г. В числе прочего, приобрели юридическую силу Уголовный кодекс РСФСР от 26 мая 1922 года и Гражданский кодекс РСФСР от 31 октября 1922 года, которые имели весьма самостоятельное правовое значение (конституирующие советское государство и право основополагающие положения этих документов не были зафиксированы в первой советской Конституции от 1918 года). Меры уголовного наказания по сравнению с Руководя-

щими началами по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 года были смягчены и систематизированы (в УК РСФСР от 26 мая 1922 г. предусматривалось наказание в виде «поражения прав», что означало невозможность участия в выборах, занимать ответственные должности, быть заседателем в народном суде и защитником на суде). Примечательно, что в Кодексе значились такие составы преступлений, как «массовый отказ от внесения налогов» (п. 78), «уклонение от воинской повинности под предлогом религиозных убеждений или посредством всяких иных ухищрений» (п. 81), «использование религиозных предрассудков масс с целью свержения рабоче-крестьянской власти» (п. 119) и др. Вместе с тем анализ положений Уголовного кодекса РСФСР от 26 мая 1922 года показывает, что законодатель молодой советской республики уже на этом этапе создавал первичные *гарантии справедливости и беспристрастности правосудия, уголовного обвинения и следствия* [18, с. 113]. Так, мерами уголовно-правового характера карались такие деяния, как «постановление судьями из корыстных или иных личных видов неправосудного приговора» (п. 111), «незаконное задержание», «принуждение к даче показаний при допросе путем применения незаконных мер» (п. 112) [19] и т.п.

Важное значение в период нэпа имело появление советского гражданского законодательства, что уже само по себе свидетельствовало о пересмотре советским правительством ряда радикальных революционных установлений, базирующихся на методологии государственно-правового нигилизма. В довольно короткие сроки после завершения революции и гражданской войны становилось очевидным, что гражданские права нуждаются в адекватной судебной защите, без чего даже самое радикально ориентированное революционное государство обойтись не сможет [20].

В конечном итоге, опыт нэпа и объединения республик в единый Союз ССР послужил основанием для принятия второй советской Конституции от 31 января 1924 года, которая учредила на конституционном уровне, в числе прочего, Верховный Суд СССР (п. 43). Данный орган позиционировался «при ЦИК СССР» (он не был конституционно самостоятельным), уполномочивался на дачу руководящих разъяснений по вопросам общесоюзного законодательства, рассмотрение и опротестование перед ЦИК СССР по представлению Прокурора Верховного Суда СССР актов верховных судов союзных республик, дачу заключений по требованию ЦИК СССР о законности постановлений союзных республик с точки зрения Конституции, разре-

шение судебных споров между союзными республиками, рассмотрение дел по обвинению высших должностных лиц Союза в преступлениях по должности [21].

Вопреки расхожему мнению об имманентно самостоятельном статусе прокуратуры как «ока государева» [22, с. 108] якобы со времен государственно-правовых реформ Петра I до наших дней [23, с. 221], подчеркнем, что в 1924 году в СССР не существовало должности генерального прокурора или прокурора СССР: это был «прокурор Верховного Суда СССР» (т.е. традиции принадлежности прокурорского ведомства к судебному тогда еще поддерживались) [24, с. 237]. Верховный Суд СССР действовал в составе пленарного заседания (11 членов), гражданско-судебной и уголовно-судебной коллегий (т.е. численный состав Верховного Суда СССР был сравнительно небольшим). Немаловажно и то, что Верховный Суд СССР по Конституции от 1924 года уполномочивался на осуществление судебного конституционного контроля в отношении высшей нормативно-правовой деятельности союзных республик (в некоторых современных исследованиях утверждается, что судебный конституционный контроль зародился в нашей стране с момента учреждения Комитета конституционного надзора СССР в период горбачевской «перестройки» [25, с. 10], что не в полной мере соответствует подлинным фактам российской государственно-правовой истории).

Дальнейшее развитие государственно-правовой истории на этапе функционирования советского государства и права характеризуется тенденцией к «коренной ломке общественных отношений» (1930 – 1941 гг.). Судебная деятельность в данный период времени была в значительной степени направлена на реализацию таких приоритетов политики партии и правительства, как коллективизация, колхозное строительство, борьба с кулачеством, упорядочение трудовой дисциплины, противодействие контрреволюции и обеспечение «революционной законности» [26, с. 203]. В связи с этим примечательны положения Постановления ЦИК и СНК СССР «О революционной законности», согласно которым данная форма гарантирования правопорядка позиционировалась как основное средство «укрепления пролетарской диктатуры». Анализируемое Постановление предписывало правоохранительной системе ключевую обязанность «борьбы с классовыми врагами трудящихся», в числе которых особенно подчеркивалось кулачество, перекупщики-спекулянты и «буржуазные вредители» (преамбула). При этом данный документ обязывал суды и прокуратуру привлекать к строгой ответственности долж-

ностных лиц «во всех случаях нарушения прав трудящихся» (п. 4), в особенности в случаях «незаконных арестов, обысков, конфискации или изъятия имущества». При доказанности соответствующих правонарушений суды обязывались «налагать на виновных строгие меры взыскания» [27].

Несмотря на то, что законодательство данного периода государственно-правовой истории избегало «гуманистических» формулировок о соразмерности наказания, о комплексном учете прав и законных интересов тяжущихся сторон и опиралось преимущественно на тезисы об «усилении», «укреплении» и «строгости» применяемых судами санкций, нельзя не видеть, что законодательство методологически направлялось на *полноту защиты прав и законных интересов трудящихся*, которые до Октябрьской революции пребывали если не в полностью угнетенном, то, во всяком случае, в ущемленном или весьма ограниченном (с точки зрения их прав) состоянии. Несмотря на официально заявляемое и политически predetermined отступление от конституционного принципа равенства всех перед законом и судом, советский законодатель стремился к *гарантированию правозащитной функции правосудия*, пусть и в довольно своеобразном виде (применительно к правам трудящихся и отрицая права «не трудящихся»).

Эта логика достигла апогея в положениях третьей советской Конституции от 5 декабря 1936 года [28]. Адекватно данной тенденции выстраивалась и система организации судов. Обратим внимание на «народный» характер судов по Конституции СССР от 1936 года, что проявлялось, по крайней мере, в следующем (статьи 102 – 117): во-первых, первичный уровень правосудия именовался «народными судами» (наименование вышестоящих судов «привязывалось» к соответствующим административно-территориальным единицам, но этого не наблюдалось на первичном уровне); во-вторых, существовало общее правило о рассмотрении дел «во всех судах» с участием народных заседателей (исключения из этого общего правила подлежали непосредственному указанию в законе); в-третьих, учреждался срочный принцип деятельности судебных органов власти (избрание судов сроком на пять лет решениями советов народных депутатов; прямые выборы народных судей сроком на три года на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права).

«Народность» советского правосудия понималась комплексно и многогранно [29, с. 45]. С конституционно-институциональной точки зрения это обеспечивалось выборностью судей и наличием народных заседателей [30, с. 153].

Судьи не были «профессиональными», как принято квалифицировать их статус в современном российском обществе, поскольку они должны были приобрести мандат доверия либо непосредственно граждан (народные судьи), либо народных депутатов, которые сами нуждались в соответствующем мандате доверия избирателей [31, с. 14]. Конечно, в 1936 году еще рано было говорить о конституционной концепции общенародного государства (данный принцип закрепился в конституционном праве страны лишь в 1977 году), под «народом» понимались трудящиеся массы, рабочие и крестьяне (статьи 1 – 3 Конституции СССР от 1936 года). Советский законодатель последовательно и правомерно стремился к *развертыванию комплексной судебной правовой защиты прав и законных интересов трудящихся масс*, что представляло собой в целом тенденцию весьма *положительную и прогрессивную*.

Несмотря на преимущественные аспекты судебной реформы Александра II, которые в том или ином виде продолжали свое действие в периоды правления Александра III и Николая II вплоть до революционных событий начала XX века, подчеркнем, что они базировались на государственно-правовой концепции неограниченного самодержавия. Сувереном был не народ, но монарх. Понятие «народность» понималось главным образом в трактовке С.С. Уварова («православие, самодержавие, народность»), т.е. как одна из форм проявления царского самодержавия (монарх нравственно обязан любить свой народ и заботиться о нем) [32, с. 363]. В отличие от этого, Конституция СССР от 1936 года весьма революционным образом гарантировала *государственно-правовой институт народности правосудия*, который *существовал с советской системой народного представительства*, дополняя и обогащая его конституционное содержание [33, с. 25]. Несмотря на усеченный характер категории «народ» в трактовке советского законодательства от 1936 года, это был значительный шаг вперед на пути построения *социалистической демократии* – явления, как нам представляется, гораздо более прогрессивного, чем царское самодержавие [34, с. 12].

Завершая историко-правовую характеристику развития института судебной защиты прав и свобод человека и гражданина в России, полагаем необходимым выделить ряд соответствующих особенностей в содержании Конституции СССР от 1977 года [35]. Даже с современных позиций следует признать, что данная Конституция – весьма совершенный нормативный правовой акт, который по многим позициям явля-

ется даже более «демократичным», чем нормативные основы современного конституционного правопорядка (хотя в Конституции от 1977 года и содержится ряд явно устаревших идеологических установлений). Так, в преамбуле конституционный законодатель квалифицировал СССР как «развитое социалистическое общество», которое основывается на ценностях «благосостояния народа», «благоприятных условий для всестороннего развития личности», «братского сотрудничества», «патриотизма и интернационализма», «подлинной демократии», «самоуправления», но главное – «общенародного государства». Сохраняя, с одной стороны, «преемственность идей и принципов» конституций от 1918 года, от 1924 года и от 1936 года, конституционный законодатель в 1977 году выработал ряд принципиально новых концептуальных положений, которые нашли юридическое выражение в соответствующих принципах и нормах конституционного права. Применительно к проблеме правозащитной функции правосудия это выражалось, во-первых, в каталоге прав, свобод и обязанностей советских граждан, во-вторых, в институциональных основах организации и деятельности советского правосудия.

Так, Конституция СССР от 1977 года установила: запрет преследования за критику и ответственность за преследование критики (ст. 49); право на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, личную свободу и имущество (ст. 57); право на обжалование в суд действий должностных лиц (ст. 58). Долгом каждого гражданина признавалось «уважение национального достоинства других граждан, укрепление дружбы наций и народностей» (ст. 64), интернациональным долгом – «содействие развитию дружбы и сотрудничества с народами других стран, поддержанию и укреплению всеобщего мира» (ст. 69).

Конституционный запрет преследования за критику давал важные гарантии свободы слова в советской России, ориентируя таким образом последующую судебную практику в ее системности и комплексном единстве. Конституционный законодатель выделил в качестве объектов особой охраны судебно-правовыми средствами такие конституционно-правовые ценности, как честь, достоинство, жизнь, здоровье, личная свобода и имущество. При этом не исключалась возможность судебного обжалования иных действий должностных лиц. Данные принципы еще не обеспечивали, как в современной России, абсолютный характер института судебной защиты прав, свобод и законных интересов граждан (в трактовке Конституционного Суда РФ нет такого правонарушения, которое нельзя бы-

ло бы обжаловать в соответствующем суде в соответствии с правилами подведомственности и подсудности, с соблюдением процессуальных сроков и иных требований законодательства, содержащих нормы материального и процессуального права). Однако конституционные гарантии судебной защиты прав и законных интересов правообладателей вследствие требований Конституции СССР от 1977 года были значительным образом расширены, что свидетельствует об их *прогрессивном характере* и несомненной *демократической природе с точки зрения принципов и ценностей советского государства и права*. Зародившись как «революционное» и став с течением времени «народным», советское правосудие неуклонно демонстрировало свои усиливающиеся и подлинно гарантируемые конституционным законом демократические и гуманистические черты.

Изложенное позволяет сформулировать следующие обобщения и выводы. Историко-правовое развитие института судебной защиты прав и свобод человека и гражданина в российском государстве являлось, с одной стороны, последовательным и прогрессивно развивающимся, с другой – дискретным и противоречивым. В государственно-правовой истории России не сложился комплексный правовой институт судебной защиты прав и законных интересов правообладателей, который можно было бы взять за основу для современной России и, на основе метода рецепции, «перенести» на другую «почву», как это наблюдалось, например, в странах романо-германской правовой традиции применительно к рецепции римского частного права. Современное значение имеют лишь *отдельные модели, образцы и паттерны правового регулирования*, главным образом – *принципы и приоритеты государственной судебной политики*, некоторые из которых современниками необоснованно преданы забвению и не используются вопреки положительному историко-правовому опыту государства.

Современная судебная система России отличается от своих предшественниц сложностью, многоступенчатостью, многогранностью новых актуальных задач и проблем. Это проявляется, в частности, в действии кассационных и апелляционных судов в рамках подсистем общей и арбитражной юрисдикции, в связи с чем коренным образом изменился фактический и юридический статус Верховного Суда РФ. В современной России удачно зарекомендовало себя конституционное правосудие, которое функционирует на протяжении довольно продолжительного периода времени и способно, при прочих равных обстоятельствах, не вмешиваясь в

прерогативы Верховного Суда РФ, судов общей и арбитражной юрисдикции, эффективно обеспечивать конституционную законность в стране. Современное российское правосудие как основной компонент механизма судебной защиты прав и свобод человека и гражданина дополняется эффективно развивающимися институтами прокуратуры, адвокатуры, нотариата, корпоративной и индивидуальной правовой помощи, гражданского общества, однако и в этом аспекте весьма положительную роль могли бы играть отдельные модели, образцы и паттерны, которые наблюдались в государственно-правовой истории страны.

Существенный интерес для современной организации судебной защиты прав человека представляет опыт судебной реформы Александра II об организации судов с участием присяжных заседателей (порядок возбуждения и прекращения уголовных дел с предварительным судебным контролем, ограниченность кассационных инстанций для пересмотра решений судов с участием присяжных, недопустимость апелляции обжалования), демократические принципы советского правосудия на основе Конституции СССР от 1977 года и, отчасти, ее предшественницы – Конституции СССР от 1936 года (народный характер правосудия, выборность народных судей, назначение профессиональных судей решениями коллегиальных органов народного представительства, категорическая недопустимость единоличного рассмотрения и разрешения судами каких-либо дел по существу).

Список литературы

1. Пономарева Ю.Ю. Судебная защита прав человека и гражданина: исторические этапы развития // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 3. С. 164–173.
2. Нечаева Л.А. Эволюция принципа гласности судопроизводства в России и зарубежных странах // Вестник Международного института экономики и права. 2014. № 3. С. 27–39.
3. Ефремова Н.Н. Личный и публичный интересы в правосудии: на примере российской истории последней четверти XVIII в. // Государство и право. 2017. № 12. С. 84–90.
4. Коновалова О.В. Советский суд (1945–1953) // Инновационная наука. 2016. № 3. С. 192–201.
5. Поляков С.А. Влияние политико-идеологических представлений о судебной власти на формирование теоретической концепции советского суда в РСФСР // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2013. № 4. С. 301–314.
6. Крыжан А.В. Проблемы организации народного суда как элемента системы советской юстиции // Вестник Северного (Арктического) федерального

университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 5. С. 5–15.

7. Теунов М.К. Шариятские суды в советской Кабардино-Балкарии. Дис. ... канд. истор. наук. Нальчик, 2007.

8. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 года // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. М., 1953. С. 57–60. Утратили силу.

9. Сирин С.А. Социально-философские причины возникновения и развития правового нигилизма в современной России // Евразийский юридический журнал. 2022. № 5. С. 530–531.

10. Бочков А.А., Сухарев А.А. Концептуально-методологические основы толкования правового нигилизма // Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 1. С. 37–46.

11. Бондарь Н.С. Конституция России в условиях глобальных перемен правовой жизни: от политических иллюзий к юридическому реализму // Журнал российского права. 2018. № 12. С. 18–32.

12. Конституция (Основной закон) РСФСР от 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582. Утратила силу.

13. Куренкова Ю.О. Лишение избирательного права как способ политического давления на крестьян // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2004. № 4. С. 88–95.

14. Некрасов С.Н. Переход к социализму без мировой революции и необходимость диалектического мышления // Современные тенденции развития науки и образования. Пенза, 2023. С. 43–48.

15. Боев В.И. Потребуется ли усиление карательной функции уголовного закона в период военного положения? // Российский криминологический взгляд. 2008. № 1. С. 239–242.

16. Нигматуллин Р.В. Юристы дореволюционной России о проблеме смертной казни // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 2. С. 20–24.

17. Черноморец С.А. Право как отражение политического курса советского государства в период нэпа // Вестник Югорского государственного университета. 2007. № 2. С. 95–97.

18. Алисов А.Н. Соотношение конституционных категорий «доступ к правосудию» и «судебная защита» // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 2. С. 113–118.

19. Уголовный кодекс РСФСР от 26 мая 1922 года // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153. Утратил силу.

20. Гражданский кодекс РСФСР от 31 октября 1922 года // СУ РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903. Утратил силу.

21. Основной Закон (Конституция) СССР от 31 января 1924 г. М., 1924. Утратил силу.

22. Рябова Е.И. Современная прокуратура – «око государево»? // Этносоциум и межнациональная культура. 2007. № 3. С. 108–120.

23. Машаев А.В., Толмосов В.И. Из истории возникновения «ока государева» – российской прокуратуры // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2013. № 2. С. 221–228.

24. Клычников А.В. Правовой статус прокурора согласно реформы 1864 года // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 28. С. 237–242.

25. Астафичев П.А. Комитет конституционного надзора СССР в государственно-правовой истории России: опыт правового регулирования организации и деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4. С. 10–16.

26. Смолин А.В. Советские спецслужбы в борьбе с контрреволюцией. Современное прочтение // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени СПбГУ. 2019. № 2. С. 203–209.

27. Постановление ЦИК и СНК СССР от 25 июня 1932 года «О революционной законности» // СЗ СССР. 1932. № 50. Ст. 298. Утратило силу.

28. Конституция (Основной Закон) СССР от 5 декабря 1936 года // ВВС СССР. 1938. № 11. Утратила силу.

29. Кодинцев А.Я. Споры о роли и месте народных и общественных судов в судебной системе СССР в середине 30-х годов XX века // Российский судья. 2007. № 2. С. 45–48.

30. Крутько В.В. Система судов народных заседателей в СССР – разновидность суда присяжных заседателей или особая форма участия граждан в отправлении правосудия? // Синергия наук. 2022. № 75. С. 153–161.

31. Корнакова С.В. К вопросу о факторах, влияющих на формирование доверия общества к суду и правосудию // Российский судья. 2020. № 1. С. 14–19.

32. Уваров С.С. Православие. Самодержавие. Народность. М.: Изд-во «Э», 2016. 513 с.

33. Плетников В.С. Формирование модели общенародного государства в советском конституционализме // Genesis: исторические исследования. 2020. № 7. С. 25–38.

34. Шульженко Ю.Л. Конституционализм периода развитого социализма в СССР // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. № 2. С. 3–12.

35. Конституция (Основной Закон) СССР от 7 октября 1977 года // ВВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617. Утратила силу.

SOVIET HISTORICAL AND LEGAL EXPERIENCE IN THE GENESIS OF THE INSTITUTE FOR JUDICIAL PROTECTION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF HUMAN AND CITIZENS IN RUSSIA

O.Yu. Volchenko

The article discusses current issues of historical and legal experience in the development and improvement of the institution of judicial protection of human rights during the USSR period. The author substantiates the point of view that the Soviet state and law developed rather discretely, there were major epochal “turns” and cardinal political and legal changes. In the state-legal history of Russia, a comprehensive legal institution of judicial protection of the rights and legitimate interests of copyright holders has not developed, which could be taken as a basis for modern Russia and, based on the reception method, “transferred” to another “soil”, as was observed, for example, in the countries of the Romano-Germanic legal tradition in relation to the reception of Roman private law. Only individual models, samples and patterns of legal regulation have modern significance, mainly the principles and priorities of state judicial policy, some of which were unreasonably forgotten by contemporaries and are not used despite the positive historical and legal experience of the state.

Keywords: judicial protection, judicial system, principles of justice, separation of powers, constitutionalism, human rights.

References

1. Ponomareva Yu.Yu. Judicial protection of human and citizen rights: historical stages of development // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2012. № 3. P. 164–173.
2. Nechaeva L.A. Evolution of the principle of transparency of judicial proceedings in Russia and foreign countries // Bulletin of the International Institute of Economics and Law. 2014. № 3. P. 27–39.
3. Efremova N.N. Personal and public interests in justice: on the example of Russian history of the last quarter of the XVIII century // State and Law. 2017. № 12. P. 84–90.
4. Konovalova O.V. The Soviet Court (1945–1953) // Innovative science. 2016. № 3. P. 192–201.
5. Polyakov S.A. The influence of political and ideological ideas about the judiciary on the formation of the theoretical concept of the Soviet court in the RSFSR // Fundamental and applied research: problems and results. 2013. № 4. P. 301–314.
6. Kryzhan A.V. Problems of the organization of the people's court as an element of the Soviet justice system // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2020. № 5. P. 5–15.
7. Teunov M.K. Sharia courts in Soviet Kabardino-Balkaria. Dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Nalchik, 2007.
8. Guiding principles on criminal law of the RSFSR dated December 12, 1919 // Collection of documents on the history of criminal legislation of the USSR and the RSFSR. 1917–1952. M., 1953. P. 57–60. They are no longer valid.
9. Sirin S.A. Socio-philosophical reasons for the emergence and development of legal nihilism in modern Russia // Eurasian Law Journal. 2022. № 5. P. 530–531.
10. Bochkov A.A., Sukharev A.A. Conceptual and methodological foundations of the interpretation of legal nihilism // Legal paradigm. 2022. Vol. 21. № 1. P. 37–46.
11. Bondar N.S. The Constitution of Russia in the context of global changes in legal life: from political illusions to legal realism // Journal of Russian Law. 2018. № 12. P. 18–32.
12. The Constitution (Basic Law) of the RSFSR of July 10, 1918 // CL RSFSR. 1918. № 51. Art. 582. It has lost its force.
13. Kurenkova Yu.O. Disenfranchisement as a way of political pressure on citizens // Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. 2004. № 4. P. 88–95.
14. Nekrasov S.N. Transition to socialism without a world revolution and the need for dialectical thinking // Modern trends in the development of science and education. Penza, 2023. P. 43–48.
15. Boev V.I. Will it be necessary to strengthen the penal function of the criminal law during the period of martial law? // Russian criminological view. 2008. № 1. P. 239–242.
16. Nigmatullin R.V. Lawyers of pre-revolutionary Russia on the problem of the death penalty // The rule of law: theory and practice. 2016. № 2. P. 20–24.
17. Chernomorets S.A. Law as a reflection of the political course of the Soviet state during the NEP period // Bulletin of the Yugorsky State University. 2007. № 2. P. 95–97.
18. Alisov A.N. Correlation of constitutional categories «access to justice» and «judicial protection» // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2015. № 2. P. 113–118.
19. The Criminal Code of the RSFSR of May 26, 1922 // CL RSFSR. 1922. № 15. Article 153. Expired.
20. The Civil Code of the RSFSR of October 31, 1922 // CL RSFSR. 1922. № 70. Art. 903. Expired.
21. The Basic Law (Constitution) of the USSR dated January 31, 1924. Moscow, 1924. Expired.
22. Ryabova E.I. Modern prosecutor's office – «the eye of the sovereign»? // Ethnosocium and interethnic culture. 2007. № 3. P. 108–120.
23. Mashaev A.V., Tolmosov V.I. From the history of the emergence of the «eye of the sovereign» – the Russian procuracy // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Law. 2013. № 2. P. 221–228.
24. Klychnikov A.V. The legal status of the prosecutor according to the reform of 1864 // Priority scientific directions: from theory to practice. 2016. № 28. P. 237–242.
25. Astafichev P.A. Committee for Constitutional Supervision of the USSR in the state and legal history of Russia: the experience of legal regulation of the organization and activities // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4. P. 10–16.
26. Smolin A.V. Soviet special services in the fight against counterrevolution. Modern reading // Works of the Department of History of Modern and Contemporary History of St. Petersburg State University. 2019. № 2. P. 203–209.
27. Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR dated June 25, 1932 «On revolutionary legality» // CL USSR. 1932. № 50. Art. 298. Expired.
28. Constitution (Basic Law) of the USSR of December 5, 1936 // Bulletin of the Supreme Court of the USSR. 1938. № 11. Expired.
29. Kodintsev A.Ya. Disputes about the role and place of national and public courts in the judicial system of the USSR in the mid-30s of the XX century // Russian judge. 2007. № 2. P. 45–48.
30. Krutko V.V. The system of courts of people's deputies in the USSR – a kind of jury trial or a special form of citizen participation in the administration of justice? // Synergy of Sciences. 2022. № 75. P. 153–161.
31. Kornakova S.V. On the issue of factors influencing the formation of public confidence in the court and justice // Russian judge. 2020. № 1. P. 14–19.
32. Uvarov S.S. Orthodoxy. The autocracy. Nationality. M.: Publishing house «E», 2016. 513 p.
33. Pletnikov V.S. Formation of the model of the people's state in Soviet constitutionalism // Genesis: historical research. 2020. № 7. P. 25–38.
34. Shulzhenko Yu.L. Constitutionalism of the period of developed socialism in the USSR // News of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences. 2020. № 2. P. 3–12.
35. The Constitution (Basic Law) of the USSR of October 7, 1977 // Bulletin of the Supreme Court of the USSR. 1977. № 41. Art. 617. Expired.